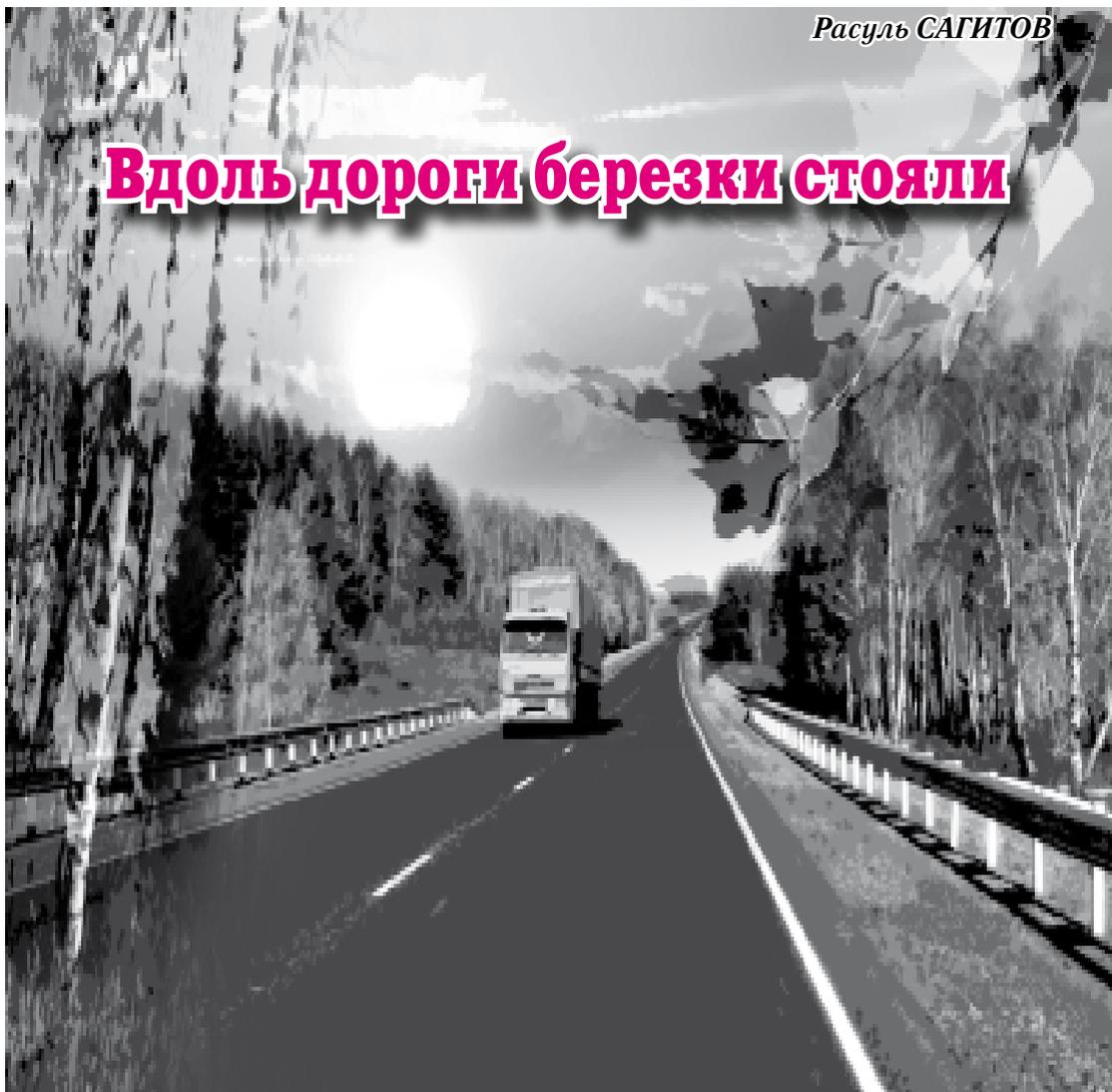

Вдоль дороги березки стояли

В дальней железнодорожной поездке пожилой сосед по купе в красках рассказал мне одну историю, которая произошла в семьдесят каком-то советском году. В районе, откуда он сам родом. И при этом не было ясно, видел ли это все он лично или кто-то ему мастерски пересказал. А не он ли сам, случаем, один из персонажей? Вопрос имеет право быть заданным, поскольку, во-первых, я не знаю о роде его деятельности, когда он был в работоспособном, как пишут в статистических документах, возрасте, во-вторых, очень уж естественным получился рассказ, убедительным, жизненным.

А дело было так. Однажды к ним в район нагрянула проверка из столицы. С инспекцией приехала совсем молоденькая женщина. В туфельках. Даже с зонтиком. Родилась и выросла она, как потом выяснилось, в городе. Сугубо городская, значит. И это была ее первая командировка. Да еще куда?! В отдаленный лесной район.

И вот, объезжают они с одним из местных руководителей, ответственным за, скажем так, дорожное хозяйство, объекты. Гостя с глазами цвета осеннего неба с интересом разглядывает из окна автомобиля молодых березок, растущих вдоль дороги. Хозяин, конечно, все это видит и, как дождя в сенокос, боится строгого вопроса: «Почему не убрали?»

И, действительно, через некоторое время вопрос о березках был поднят.

— Ах, какие красавицы у вас тут растут! — сказала проверяющая. Покачала головой и языком цокнула. У нее это великолепно получилось. Хоть и зловеще.

Начальник мгновенно покрылся мелким холодным потом: вот как издалека начала! А ведь с виду кажется, что совсем ничего не понимает... А он еще грешил, заподозрив ее в родственных отношениях с кем-либо из правительства. Не-е-т, она — большой специалист, видеть, разбирается.

И улыбается ведь. Никакого ехидства ни в голосе, ни на лице совсем не заметно. Артистка, да и только! Ей надо на больших сценах играть. Романтические эпизоды бы ей удавались. Ошиблась она с выбором профессии, большой талант пропадает на маленьких извилистых дорогах...

— М-да... Тоненькие, — промямлил мужчина, потому что нечего ему сказать.

Проехали еще несколько километров и артистка взяла в руки рядом лежащий зонтик, словно приготовилась приставить его, как фехтовальщик рапиру, к пухлому животу сопровождающего. Однако не стала этого делать, пожалела. А сказать что-то она хочет. И вот она решилась, повернула хорошенькую, будто сошедшую с журнала «Огонек», голову к спутнику. Носовым платком слегка коснулась к блестящей модной туфельке на правой ноге. Видимо, будет наносить удар ею. Так ведь гораздо гуманнее, чем зонтиком-то.

Кульминационный момент близок. Режиссер, ее начальник, не раз, наверное, репетировал с ней эту сцену. Значит, они там заранее знали о недочетах в районе...

Однако актриса сказала совсем другое:

— А когда же вы успели их все-таки посадить? Дорогу ведь недавно только построили.

Когда сосед в своем рассказе дошел до этого места, поезд наш как-то резковато затормозил. Это придало истории еще большую экспрессию. Но на экстренное торможение состава мы не обратили ровно никакого внимания: рассказчик был в ударе, слушатель — в восторге.

Наш, не сказать, чтобы громкий, но дружный смех привлек внимание проходящей по коридору проводницы. «Вот люди, — подумала, наверное, она. — Все в смех превращают».

Рассказчик продолжил.

Что?! Неужели?! Неужели это была не игра?! Похоже, что так. Начальник в очередной раз выбрался сухим из воды, значит.

— Да-да, стараемся, перевыполняем. Как можем... Рационально используя все средства, технику. Люди у нас трудолюбивые. Интенсивно, так сказать, бригадным методом... Днем и ночью... — Сбивчиво, скороговоркой, фрагментами из передовиц центральных газет того времени, отвечал начальник.

— Как хорошо, когда все в полном объеме и в срок выполняется! — Довольно, в тон спутнику, подвела итог проверяющая и вновь стала любоваться кудрявыми деревцами, к которым человеческие руки никакого отношения не имели. Да сами они тут, черт подери, начали расти. Сквозь камни, гравий, глину пробились. Да и откуда рабочие руки-то взять для посадки деревьев? Кто даст горючее? По правде говоря, никто и не думал об этом. Знали, что надо, но не собирались делать. А зачем? Район-то итак лесной. Здесь, наоборот, безлесные места в дефиците, сенокосных угодий не хватает.

А та женщина по возвращении на базу написала прекрасный отчет про отличные дорожные дела в этом районе...

От этой истории у меня в душе не осталось неприятного осадка. Смех смехом, а ведь он же должен был быть: от вопиющего непрофессионализма инспекторши, которая стояла настолько далеко от своей профессии и занимаемой должности, что не могла отличить, где лес природный, а где посаженный. От поведения местного начальника, по субъективным ли причинам, объективным ли, плохо выполняющего свои обязанности. Самое главное — от того, что не поправил женщину, попавшую в заблуждение. А ведь все это пошло отчетом наверх, последствия оказались, думается, намного серьезнее.

Однако этого, как я уже сказал, не произошло. И причиной тому — не личность ли рассказчика, этого старика с веселыми глазами, моего соседа по купе? Думаю, да. Ведь он тоже не злорадствовал. А еще сделал свое дело его природный речевой дар — прекрасный, чистый, сочный народный язык.

Это — лишнее доказательство того, насколько язык сам по себе велик и насколько он красив, когда совершенен его носитель...

Душой светлею

— Откуда, от кого ваше языковое богатство? — спросила меня на днях ученица в одном из малых городов республики, куда я был приглашен на встречу со школьниками. Вопрос прозвучал для меня неожиданно, очень уж по-взрослому что ли... Без единой запинки. На одном ровном дыхании, как звонок на урок. Да, видимо, тут вы правы: и я думаю, что вопросы наверняка были подготовлены заранее. Даже распечатаны, разрезаны учительницей. Каждый отдельно, узкими полосками. И персонально вручены накануне. Заучены, одним словом.

Тем не менее я был безмерно рад этому. Рад, во-первых, вообще тому, что представилась возможность пообщаться с детьми, нашим будущим, а то набралось у меня порядком того, с чем хотелось поделиться с ними. Да и советы ведь посторонних, в отличие от родительской нотации, охотнее усваиваются. Приятно было, во-вторых, оттого, что язык назвали богатством, ибо сам его всю сознательную жизнь высоко возношу и не всегда, к сожалению, не у всех нахожу в этом горячую поддержку. За исключением, когда речь идет об иностранных языках. Тут другое дело. Владение ими, в особенности английским, воспринимается большинством как путевка, с чем доступ во все места с материальным достатком широко и приветливо разрешен. Все силы, хочет того ребенок или нет, бросаются на занятие основного плацдарма. Я, подчеркиваю, совсем не против изучения иностранных языков. Мало того,

даже призываю. Однако только этого, особенно если гуманитарных наклонностей у чада относительно меньше, чем точных, зачастую бывает недостаточно для достижения чрезмерных амбиций папы и мамы. Правильно, вот и не надо давать крен лишь в одну сторону. Делай блестящий ремонт в своей квартире не только в зале. Не начинай его с расчетом «сначала пока тут, потом, если деньги будут, и там». Надо занимать плацдарм единым фронтом. По-настоящему красиво тогда, когда везде, вплоть до входной двери снаружи, ухожено. И у меня есть сколько угодно примеров, подтверждающих, что языки намного легче поддаются тем, кто близко дружит со своим родным, материнским. Ибо эта дружба делает почву в тысячи раз плодороднее.

А на вопрос я ответил, ни грамма не задумываясь:

— От народа!

Получилось, да, пафосно. Возможно, ответ был не совсем подходящ для данной аудитории: это ведь совсем другие ребяташки, совсем не из моего детства. Но подчеркну: об этом пишу не с сожалением, ведь у каждого времени свои сыновья и дочери. А насчет богатства, которое народное, я истинную, как говорится, правду сказал. Я действительно уверен в том, что родник языка питается народом, людьми — его индивидуальными носителями. Сам вот это сейчас написал, сам высоко вознесся духом, ибо, если и юное поколение знает, что язык есть громаднейшее богатство, не имеющее цену, то положение в этом смысле не такое уж и аховое. В вопросе с термином, повторяю, не без участия учительницы обошлось, конечно, но все равно стало невообразимо хорошо.

А далее я сообщил детям о своих частых поездках в родные места, для которых, хоть кровь из носа, нахожу время. Потому что хочу, скучаю, стремлюсь.

Приезжаю в деревню вновь и вновь и жадно, большими глотками, пью из этого роскошного источника, которого, не требуя ни копейки за непомерно ответственную работу, строго охраняют мои милые сельчане. Охраняют просто, лишь разговаривая, читая на родном языке. Многие еще и пишут. Художественные произведения пишут. Охраняют, непосредственно пользуясь им сами и обучая, без никакого там репетитора, детей: в семье он — главный язык общения. Иначе одна лишь школа не справлялась бы. Если в доме родная речь постоянно будет звучать из уст родителей, членов семьи, из радиоприемника, телевизора, если будут петь на родном языке, читать книги, журналы, газеты, то никакая агрессивная среда за окном абсолютно не помеха его усвоению.

Деревенские скромные жители, несмотря ни на какие жизненные неудобства, не покидают родное гнездо, не перебираются в город, побросав все хозяйство, понимают, что там тоже не всем уготована красивая жизнь. Он, дорогой мой земляк, даже ведь особо и не подозревает, насколько великую, заслуживающую самых ценных, взятых вместе, премий, миссию выполняет. Он об этом никогда и не задумывается, поскольку не старается говорить как на уроке, высказываться печатно, эфирно. К нему слова, нужные именно тут, в этом месте, в это время, сами идут. Идут с желанием. Он не надрывается, как иной певец заслуженный, будто тяжелые камни перетаскивает, мучая и себя, и зрителей. Песня из его груди сама льется. Льется тихо, но сильно. Всегда кажется короткой, потому что не надоедает.

Слышу эту народную речь, красивую, но не пафосную, емкую, но со смыслом, и душой светлею. Я, не буду скромничать, отлично знаю ее, однако мне все мало, стараюсь еще больше запомнить. Нередко жалею, что вовремя не включил диктофон. Потому что много наших прекрасных слов уже потеряны, они покидают наши дома и сейчас, прямо в эти минуты. Мы их из дома переселяем в чулан. Да и там вскоре начнем на них смотреть косо, с укором, мол, места вон сколько занимают. Места, которое итак в дефиците: покупаем ведь все новые вещи. Радуюсь, думая, что становимся богаче, круче. Мы эти слова почему-то считаем недостойными для своего лексикона, предпочитая новомодные словечки из других языков. Почему-то вот эта волна, когда использование иностранных слов начинает быть показателем какого-то превосходства, снова возвращается и возвращается. А как же иначе: нам, как выразился один мой знакомый, человек с высшим образованием, кстати, нужно «все современное», хватит держаться за старину, слушать все еще нескончаемую песню «Урал». На самом деле современный человек сохраняет все, что имеет историческую ценность.

Запомнить можно лишь слова, какие-то речевые обороты, а сам этот родник, бегущий без всякого напряжения, без посторонней помощи, сфотографировать, заснять на видео, записать на диктофон и поместить в сейф с самыми толстыми стенами, нельзя. Поэтому здесь выход только один: не надо закрывать, а, наоборот, открывать надо, чистить русло, на защиту родника встать всем вместе — стару и младу, деревенскому и городскому, писателю и сантехнику. Грош цена нам, умеющим правильно держать вилку и нож, когда нужна обыкновенная ложка, поскольку речь наша часто представляет собой простую кашу. Но речь эта хороша, как я уже говорил, когда естественна, мы же не раз видели, что получалось от манерных попыток некоторых произносить что-то умное.

К сказанному тогда перед школьниками добавлю три коротких эпизода, свидетелем которых был лично.

— ...Ой, стихи у него клевые, оказывается!

От этих слов я оторопел. По крайней мере, сильно удивился, потому что этот человек никогда литературой, тем более поэзией, лирикой, мягко выражаясь, не интересовался. По правде говоря, считал ее совершенно не нужной, ибо не приносит никакой материальной выгоды.

А у него, смотрю, даже глаза горят:

— Случайно на глаза попались. Прикинь, с первой строчки чё-то так запали. Даже некоторые сложные башкирские слова с удовольствием читал.

А второй мой современник, человек, начисто отвергавший башкирские народные протяжные песни, считающий их пережитком прошлого, также случайно услышал одну из наших величайших песен в исполнении настоящего, с большой буквы, певца. И его мнение тут же переменилось.

Третий случай связан с гармонью. Мой молодой знакомый, привыкший ко всяким модным песенкам в компьютерной обработке, прислушавшись к живой песне под обычную старенькую хромку, восхищенно улыбнулся:

— И на этой, оказывается, неплохо выходит!..

Вот такое оно — настоящее искусство.

Словом красен человек

Внезапно погас свет. Здесь, за городом, центрального отопления нет и люди сейчас вынуждены массово включать электрические калориферы. И вот получен такой печальный результат, который коснулся всех и каждого. Днем, конечно, довольно тепло, а по ночам порядочно ощутимо, что на календаре — начало октября. Короче говоря, старенький, облезлый трансформатор, уныло стоящий в сторонке, не выдержал, предохранитель вышел из строя.

Что же делать? Вызывать электрика, естественно. Который, замечу попутно, может и не прибыть. Тем более сегодняшним зябким туманным вечером. Они же раньше были ох какие капризные. Как и сантехники, кассиры автовокзалов, продавцы райповских магазинов.

Но этот приехал сразу. И оказался совсем не похожим на персонажа из анекдотов: трезвый, чисто одетый, собранный.

С первой же попытки, точно на нужное место, установил стремянку. Аккуратно, но уверенно поднялся наверх. А вот дверцу трансформатора открыл с трудом. А легко тут и не получится — древний он, с прошлого века. Откуда-то достал алюминиевые провода. Понятно, они там же были и замотаны. Сам и оставил, наверное, в прошлый раз. Часто его сюда вызывают, надо полагать. Вместо заводского предохранителя прикрутил кусок проволоки, наращенный с двух внутренних сторон более тонкой, чтобы, если что, первым расплавился этот участок. Поднял рубильник. Весь маленький поселочек снова ожил, широко, весело открыл светлые глаза свои с нарезными ставнями вокруг.

— Как просто, оказывается, — сказал один из наблюдавших. Сам, ища поддержки у зевак, оглянулся по сторонам. Те промолчали.

А электрик в это время пытался закрыть ржавую, всю помятую дверцу трансформатора. Та с душераздирающим скрипом сопротивлялась. Кажется, она скрипит намного сильнее, чем когда открывалась. Да, это действительно так. И неприятный скрип — ничто иное ведь, друзья, как реакция нашего дяди на необдуманно высказанные только что снизу слова. Не понравились они ему. И лестницу отстранил как-то резковато, с шумом. Та с обидой подвинулась. Но не упала. Отходчивая, видать. Возможно, на первый раз простила. Думаю, хозяин ее обычно уважительно относится к своим инструментам, при этом я основываюсь на личных жизненных наблюдениях.

А вот спаситель наш не стал оставлять обиду в себе. Выразительно посмотрев на человека, ответственного за все здешнее хозяйство, дескать, пора бы уже новый трансформатор установить, коротко, четко, недурно поставленным голосом произнес:

— Работа, может, и простая, но жизнь дается только раз.

Все, кто собрался вокруг, разом одобрительно загудели — сказал так сказал, молодец!

А в почти философском изречении электрика, мне кажется, на центральный план было выставлено восхваление собственной профессии, нежели подчеркивание известной истины относительно бесценности жизни.

Вот и скажите после этого, что не работа красит человека, а человек ее: этот вон как поднял в наших глазах свое ремесло — и внешним видом, и умелой работой, и красноречием. Особенно последним.

Оно держит все

Водители фур постоянно, как и сейчас вот, находятся в тесной радиосвязи друг с другом. Даже те, кто в жизни ни разу с глазу на глаз не встречались, надо полагать. И сие воспринимается вполне нормально. Это не тот случай, когда без стука и «Здрасьте!» вламываются. Тут двери нет, звонка тоже. Во-первых, даже самый что ни на есть нелюдим нуждается хоть в каком-то общении, когда месяцами находится далеко от родного порога. Во-вторых, таким образом проявляется чувство взаимопомощи, солидарности. Кто-то молча слушает. Иные вещают. В прямом, неподготовленном, без никакого сценария, даже сценарного плана, эфире. Отлично: и информируешься, и природную разговорчивость свою реализовываешь — пружину ведь потихоньку надо смягчать, напряжение ослаблять. И чтобы не задремать полезно.

Иных участников движения могут, мягко говоря, и покритиковать:

— Ну, куд-да лезет эта... маленькая?!

Это они легковых автомобилей называют так. И здесь, думается, смысл не только прямой, а и переносный, подразумевающий взгляд на нас сверху вниз: на автострадах водители автопоездов нередко ощущают себя единоличными хозяевами, будто под ними дорога действительно железная, и они сидят в кабине настоящего тепловоза.

А и не обругать никак: все находится ведь и находится неграмотно обгоняющие, резко тормозящие, и себя и других ставящие в опасное положение.

Мы остановились. Весь поток наш железный встал. И в эфире началось пущее оживление.

— Что, парни, надолго, интересно? — В вопросе дальнобойщика улавливаю нескрытую надежду, что ответят ему отрицательно.

Но зря он рассчитывал:

— Похоже, да-а-а. Тут передо мной народу — будь здоров. — Спереди дошло такое невеселое сообщение.

Третий путник печально и устало спросил:

— Можно уже, видать, чайник ставить?

— Можно, можно. Надолго это. — По голосу определяю человека с недетским опытом на дорогах.

Вскоре частота резко развеселела:

— Да можно уже водку доставать... — Дескать, простоим не один час, успеем и выпить, и протрезветь.

Эфир беззвучно засмеялся. Никто употреблять, само собой, не взялся, прошли те времена, когда дальние поездки редко когда совершались на трезвую голову. А тогда, как рассказывал мне человек, работа которого в молодости была неразрывно связана с автоперевозками, иначе и нельзя было: на стареньких газиках, по плохим дорогам без асфальта, от зари до глубокой ночи... Я лично с ним, конечно, не согласен, но возражать не стал — с тех пор море шин издыривилось, срок давности, как говорится, давно прошел.

А я обратил внимание на то, что не совсем эфирное слово «водка», тем паче во время движения за рулем, прозвучало не так уж и низкопробно, а даже, смею сказать, прелестно. Все дело в том, что было употреблено удивительно образно, к месту. Не в качестве главного героя, а второстепенного персонажа, от которого засияло, предстало во всей красе все произведение.

Я сделал такой очередной свой вывод.

Слово — вот оно то, что держит все. Равно и дух наш, при вынужденных остановках, поломках и даже движениях назад.